

НИНА ЛЕНЕГОР

Извините
за беспокойство

Нина Ленегор

Извините за беспокойство

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20978421
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Избалованную мужским вниманием Полину судьба испытывает трагедией гибели мужа, предательством сотрудников, житейскими передрыгами. Новый роман с любимым человеком усложняет строптивый характер героини. По доброте душевной Полина берётся помогать девочке из неблагополучного окружения, случайно узнаёт о греховных взаимоотношениях в Таниной семье. Чужая история невольно влияет на судьбу самой Полины.

Нина Ленегор

Извините за беспокойство

Полина мимоходом заглянула в зеркало – без всяких диет заметно похудела, а в чёрном совсем тростинка. Подхватив собачку, она вышла на улицу и присела на металлическую ограду газона. Заждавшаяся Зося нетерпеливо закружилась по траве, вынюхивая меченые кустики.

– Что за мода такая – мрачная одежда в жару?–

Смело... Полина невольно оглянулась. Незнакомец. Молодой, коренастый, в спортивной «фирме». Невысокий – «не то, что мой Руслан». Ноги кривые – «не то, что у моего Руслана». Хотя что-то в нём есть... Смахивает на звёздного испанца... Но слишком скуластый, не Бандерас – «Барбосас». Лучистые глаза не скрывают интерес. Она равнодушно отвернулась и собралась уходить.

– Минуточку, можно вашу собачку сфотографировать? – запаниковал «Барбосас».

Что касалось Зоси – отказать невозможно, Полина терпеливо ждала, пока щёлкал фотоаппарат.

– Дайте телефончик, напечатаю фотографии – позвоню! Меня зовут Антон Барилка!–

«Надо же, тёзка звезды и фамилия на ту же букву!». Полина, молча, написала номер своего служебного телефона.

Уже на следующий день озабоченный голос в телефонной

трубке.

– Хочу отдать фотографии вашей собачки...-

Моторный... Начальные цифры входящего номера телефона Полине знакомы, с них начинались телефоны управления, где работал Руслан.

– Хорошо, отдайте...-

– Заговорила! А то, уж, думал, вы немая... ещё и голос такой приятный!-

В этот раз Антон, очевидно, надеялся сразить офицерскими погонами. Обмахиваясь фуражкой со слишком высокой тульей, он вручил фотографии. На всех снимках – эффектная дамочка в чёрном, и где-то в стороне сиротливо ютится гламурная собачонка.

– Спасибо... Вы коллега моего мужа?-

Из бесшабашной улыбка Антона резко перетекла в разочарованную, растерянность беспардонно размазала мужественное лицо.

– Муж... А, кто такой?-

– Руслан Стариков, погиб, скоро год...-

– А... Простите милосердно... Я не так давно возглавил отдел охраны города, до того работал в области -

«Тоже мне герой – главный сторож города...»– мысленно съязвила Полина.

– Мы с вами соседи, разрешите подвезти вас после работы...-

– Уже привыкла своим ходом...-

– Привычки иногда полезно менять...-

Который день снежными выюгами и трескучими морозами неумолимый февраль отыгрывался за бесхарактерность декабря и расхлябанность января. В дверь позвонили, из своего тёплого домика лениво тявкнула Зося. Неохотно отложив книгу, Полина сбросила уютный плед, всунула ноги в тёплые тапочки. «В такую непогоду хороший хозяин собаку на улицу не выгонит. Может, Маша... занятия в школе отменили?». Не заглянув в глазок, Полина открыла. На лестничной площадке незнакомая девчушка, совсем ребёнок, в нищенской одежке с рваным школьным рюкзачком за спиной.

– Извините за беспокойство... Тёточка, помогите, чем можете... – по-мышинному, писклявый голосок.

Честно говоря, порождённые перестройкой попрошайки изрядно поднадоели. Полина сама не жировала, а не проходило и дня, чтобы кто-то не просил у неё милостыню.

– Денег не дам...-

– Хотя бы хлебушки, картошки... Что-нибудь...-

Замёрзла до синевы, багровые руки прячет в карманах пальтишка, из которого давно выросла, подошвы рваных кедров привязаны шпагатом. Похожа на лягушонка, но взгляд пронзительно-требовательный.

– Чё ж в такой мороз без варежек? Погоди, я сейчас... – засуетилась Полина.

Кинулась в квартиру, в шкафу прихожей схватила носки, варежки, шарф, дочкины сапожки – всё ношенное, но ещё

добротное и главное, тёплое и сухое. В холодильнике негусто – суп на дне кастрюли, начатый пакет кефира, три яйца. Взяла картошки, моркови, лука, полхлебины, отрезала кусочек сала, всё сложила в пакет и вышла. Но девочка исчезла. Истерично визжала скандальная соседка этажом выше.

– А мне кто подаст? Ишь, моду взяли по девятиэтажкам шастать! Ещё раз позвонишь – руки поотбиваю до самого локтя! Надоели, в печёнках сидят ваши стенания! Пошла вон отсюда, вшивая попрошайка!-

Дверь грозно хлопнула. Полина поднялась по ступенькам. Девочка горько плакала, уткнувшись в стену.

– Ты почему ушла, я же сказала: жди!-

Удивленье в недоверчивых детских глазах.

– Как тебя зовут?-

– Та... Катя! – споткнулась на своём имени маленькая незнакомка.

– Давай-ка, переобувайся! – скомандовала Полина.

Катя послушно сняла гнилые кеды, явив взору промокшие дырявые носки на разодранных колготах. Боясь, что передумают, она спешно натянула уютные носки и меховые сапоги. Услышав, что в квартире зазвонил телефон, Полина укутала шею Кати шарфом, ткнула варежки и пакет с продуктами.

– Носи на здоровье. Утри слёзы! Пока! -

На следующий день после работы Полина обнаружила Катю, по-цыгански, расположившуюся на лестничной площад-

ке.

– Тётя, извините за беспокойство... -

– Не «тётяй», пожалуйста, меня зовут Полина Леонидовна... И откуда у тебя это навязчивое «извините за беспокойство»? -

– Бабушка учила, говорила надо быть культурной... -

Полина улыбнулась.

– Заходи, ужином угощу -

– Я и не завтракала, и не обедала... -

Получив чистое полотенце, Катя долго стояла над умывальником, наслаждаясь тёплой водой. Затем чинно уселась за стол, тщательно размешивая сметану в борще, принялась медленно жевать, нажимая на хлеб.

– Не нравится борщ, хлеб лучше? – улыбнулась Полина.

– Очень вкусно, борщ я ела давно, когда ещё бабушка живая была. А сейчас растягиваю удовольствие... -

Вымазав хлебом тарелку, девочка бережно собрала крошки со стола в ладонь и забросила в рот.

– Если немножко подождёшь, я напеку блинов! -

– Ух, ты, блины! Можно я буду смотреть, как вы их пекёте? -

– Надо говорить «печёте». Пожалуйста, смотри – учись! Сколько тебе лет? -

– Скоро одиннадцать! -

– Ни за что бы, ни подумала – от силы восемь! – искренне удивилась Полина.

– Мне одиннадцать! – обиделась девочка.

– Блинчики любит мой папа и дочечка Маша, она со школы скоро придёт!-

– Папа..., дочечка... – задумчиво повторила Катя.

– Вы можете помочь моему брату? – оживилась она.

– Каким образом?-

– Саше пять лет, неделю назад сильно заболел – высокая температура, горел весь, не узнавал никого, бредил. А мамка и отчим скорую помощь вызывать не хотели. Тогда я побежала к соседке тёте Люсе. Брата забрали с воспалением лёгких, в больнице обнаружили ещё и дирабет. Сейчас он лежит в рамации! -

– Надо говорить «диабет», «реанимация». А, почему мама и отчим не вызвали скорую?-

– Они никому не верят и не хотят, чтобы чужие приходили в наш дом!-

– Но они, же понимают, что их сын мог умереть?-

– Упёртые... Сейчас мамка с Сашей в больнице, а вернётся – будет мне на орехи за самовольство! Тёте Люсе она уже успела побить стёкла в доме!-

– Странно всё... Кстати, как зовут твою маму, сколько ей лет? -

– Лидия, старая уже – тридцать шесть!-

– Старая? Тогда я тоже старая, мы с твоей мамой ровесницы! – обиделась за незнакомую Лидию и себя Полина.

– Нет, вы – молодая и красивая! А моя мамка – совсем

другая!-

– Ты умеешь льстить?-

– Я не льстю! – недовольно хмыкнула девочка.

– Надо говорить «льщу». Какая такая «другая» твоя мама?-

– Злая, некрасивая...-

– Для каждого человека его мама – самая лучшая, самая добрая, самая красивая...-

Чувствуя, как портится настроение, Полина недовольно добавила:

– Чем я могу помочь твоему брату? Я – не врач, экономист...-

– Надо лекарства и чёрный хлеб, белый ему вредно!-

– Хорошо, принеси рецепты... Из хлебницы забирай буханку бородинского!-

В воскресенье чуть свет Катя уже у двери. Широкая ссадина с запекшейся кровью над бровью, синяя опухшая щека.

– Кто тебя так? – испугалась Полина.

– Отчим. Выгнал на мороз почти голяком... Я влезла назад через окно кухни, натянула, что успела, и сбежала из дома!-

Закрыв лицо красными в «цыпках» руками, девочка горько заплакала.

– За что ж такая жестокость? – совсем растерялась Полина.

– Каждую ночь ровно в три он приказал подавать ему ста-

кан воды!-

– Кто «он»?-

– Та я ж говорю: отчим! А сегодня я заспалась, подхвати-
лась – уже пять! Он выпил воду и ничего не сказал. Я обра-
довалась, думаю – пронесло! Утром он подозвал меня, вро-
де, как ни в чем, ни бывало. Я подошла и неожиданно полу-
чила костылем по балде! Потом очутилась на холоде! -

– Как это обязал, и давно это?-

– Сколько себя помню, ни одной ночи не спала толком. От
страха пальцы дрожат – вот смотрите! -

И действительно, маленькие ладони, что осиновый лист,
каждая мышца живёт отдельной испуганной жизнью.

– Я замечала, пальцы у тебя дрожат... Заводи будильник,
раз так!-

– Он не звенит, время показывает, а не звенит! Часто про-
сыпаюсь, вчера посмотрела: час пятнадцать, думаю, хорошо
– спать ещё можно! И отключилась! Потом глядь – уже пять
утра!-

Полина провела девочку в ванную комнату, перекисью во-
дорода осторожно протёрла ранки на веснушчатом личике.

– По утрам я должна выносить и мыть помойное ведро,
куда ночью все ходят в туалет. Противное, вонючее, скольз-
кое...-

– Ой, фу, такое рассказываешь... А твоя мама, как на всё
это смотрит?-

– Мамка никогда нас не защищает. Сказала, будете жало-

ваться – рот раздери до ушей! Тётя Полина, извините за беспокойство, можно я останусь у вас жить? -

– Нет, дорогая, нельзя... -

– Ну, хоть разок поночую! -

– Даже ночевать тебя не оставлю. Твоя мама кинется в розыски, не хочу, чтобы и мне окна побила! Самое большее, что я могу для тебя сделать – отдать свой будильник, звенит исправно. А сейчас кушай и домой! -

Девочка обиженно засопела.

– Рецекты я принесла... -

– Надо говорить «рецепты». Хорошо, завтра куплю лекарства. А сейчас я спешу по делам -

Полину ждала школьных лет подруга Наталья. Хорошенькая, похожая на молодую Татьяну Доронину, но не семи пядей во лбу. В школе учителей брала на жалость.

– Ильченко, подготовилась – отвечай! Не знаешь – садись, ставлю «два»! -

Коса через плечо, немигающий взгляд, по румяной щеке катится светлая слеза.

– Не тяни время! – теряли терпение учителя.

– Я забы-ы-ыла! – переходила на неубедительный плач ученица.

– Не знала, а ещё и забыла – тяжёлый случай! -

Но на «двойку» Наталье учительская рука не поднималась.

Наташина мама бойкая Надежда Савельевна возглавляла

родительский комитет школы. В аттестате зрелости её дочери неожиданно для всех оказались приличные оценки. Она и убедила Полину вместе с Натальей поступать на экономический факультет университета. Полина удачно сдала экзамены на специальность «нормирование труда». Наталья штурмом брала «бухгалтерию» не без помощи вездесущей мамы. Конспекты лекций она заучивала, как стихи, и не дай Бог преподавателю перебить зубрилку. Наталью Этоподавателю было метыную. С, неприятны, наверное, потому, что девочка говорила плохо о своей маме. вводило в ступор, в лучшем случае, она могла рассказать учебный материал с начала.

Надежду Савельевну чутьё не подвело: не романтическая профессия «бухгалтер» оказалась востребованной даже в лихие времена. Вообще, судьба вела Наталью по светлой дорожке. Удачно вышла замуж за «первого парня» в микрорайоне Сергея, попала в обеспеченную семью. Свекровь – главный бухгалтер областного Совета профсоюзов, свёкор – товаровед областной промтоварной базы. Но, главное, люди добрые, сноху приняли, что дочь родную. Ради быстрого получения квартиры, пользуясь связями, свекровь пригласила Наталье местечко в строительном управлении. Решив вопрос с жильём, заняли вакантную должность главного бухгалтера в областном драмтеатре. Начальственная харизма Наталье удалась сразу, хуже с бухгалтерскими балансами. Она не скрывала, что «дебиты – кредиты» ненавидит, ни хрена в них не понимает. Поэтому отчёты делала свекровь, поти-

хоньку обучая сноху. Когда Наталья родила, Сергей уволился из проектного института. Чтобы ничего не мешало обожаемой жене строить карьеру, он занялся воспитанием сына, ночами «бомбил» на своей «Волге».

Благодаря перестроечным метаморфозам в аренду кооператорам сдавали каждый закоулок театра, сожалея, что «гуляет» площадь зрительного зала. В подвале устроили ресторан для бомонда. Полина вошла в театр со служебного входа. Вахтёрша приветливо кивнула и услужливо бросилась звонить.

– Наталья Григорьевна просила подождать, сама к вам спустится!-

– Хорошо, я подожду -

Подниматься по стоптанной мраморной лестнице на пятый этаж в кабинет подруги, ныне директора по коммерции, Полине вовсе не хотелось. Она принялась рассматривать «Доску почёта» окончательно обнищавших артистов.

Наталья, как всегда, выглядела «по-богатому», но неожиданно похудевшая и необычайно озабоченная. Одеваться она не умела. То бесформенное платье грязно-серого цвета для подгулявшей снежной бабы, то чёрно-белое под пингвина, то синее с золотыми цепями для попадьи, вдруг комбинезон в стиле «обшарпэ» или косоворотка с малиновыми брюками «выйду я во поле с конём». Сегодня слишком обтягивающий атласный костюм в аляповатых разводах.

– Молодец, что пришла! Пойдём в наш ресторанчик – я

угощаю...-

По коврам крутых ступенек спустились в полутёмное помещение, уселись за угловым столиком. Уютно, но попахивало подвальной сыростью. Полина с опаской смотрела на цены меню.

– Да, не жмись ты, не эконошь мои деньги! Дёрнем по пять капель коньячка, хорошо закусим. Кстати, как тебе мой новый костюмчик?-

– Слишком яркий среди зимы..., но тебе идёт! И с размером немножко не угадала...-

– Ну, я же не в крематории работаю... Размахайки надоели... Ладно, не завидуй! Скажи лучше, как твой роман с Антоном? -

– Обрывает телефоны служебный и домашний, машиной стережёт с работы...-

– Считаю, год общаетесь, а всё, как медовый месяц! Обзавидуешься!-

– Мне Русик снится... Знаешь, прежде чем ко мне прикоснуться, он согревал свои ладони дыханием... Этим он меня больше всего и покорял! – вздохнула Полина.

– Не вернуть его... А живому – живое!-

– Всё равно, Антона всерьёз не воспринимаю...-

– Молодой, респектабельный!-

– Куда там – главный сторож города...-

– Начальник управления вневедомственной охраны! Влюблён в неё – нет, она выкобенивается! Удивляюсь, бабе

скоро сороковник, а строит из себя Мальвину!-

– Не приписывай мне годы – небось, не арендная плата в твоём театре! Значит, не люблю я его... И, вообще, не привыкла за мужиков держаться! – повысила голос Полина.

– Ты чё сегодня не с той ноги встала или не на ту метлу села?-

– Прости, Наташ... Знаешь, наверное, в себе я стала не уверенной. Появился страх, прямо манечка, что Антон меня обязательно бросит! Он же намного моложе! Вон сколько старлеток в мини – юбках вокруг задницами вертят!-

– Всего-то навсего моложе на семь лет...-

– Лучше бояться, чем испугаться...-

– Счастливых пар, где мужчина моложе женщины, полно! А эти свиристёлки или бешеные тёлы – тебе не конкурентки. Ты – умная, благородная, образованная, да просто красавица! – расщедрилась на комплименты Наталья.

– Захвалила ты меня, спасибо... К Антону я, конечно, равнодушна... Но, почему-то с первого дня общения взяла высокомерно-насмешливый тон. Недавно заехал ко мне на работу, стою с ним холле управления. В голове крутятся «невысокий, кривоногий», стесняюсь перед сотрудниками, веду себя отчуждённо. В карикатурно большом головном уборе он напоминает мне самовлюблённого мульташного попугая Кешу. Язвительно спрашиваю: скажите, Антон Леонидыч, всем сторожам города выдают такие смешные фуражки или только главным? Вечером приехал по граждан-

ке в бежевом костюме и коричневых туфлях. Настроение радужное, я ему: чё это в белых носках, как в доме престарелых? Он растерялся, оправдывается, ведь, не в белых тапочках! А я: тапочки – уже для морга. Короче, настроение портить ему я наловчилась...-

– Не любишь – не морочь парню голову!-

– С ним интересно, снова радоваться научилась, от смеха иногда даже скулы болят! Короче, он любит, а я подставляю щеку...-

– Ой, Польша... Не выкаблучивайся, а то дорасбрасываешься!-

– Довольно обо мне! Что у тебя?-

– Мой Серёга загулял! – почему-то радостно – торжественный тон.

– Брось, не смешно! И кто в такое поверит?-

Наталья подозвала официанта, заказала свежие овощи, крабовый салат, далму, жульены, грейпфрутовый сок. Рюмка хорошего коньяка сняла напряжение. Спокойно повела: муж закрутился с какой-то бабой, шифруется. Она в курсе, но виду не подаёт, скандалов не устраивает, наоборот, стала особенно нежной и заботливой.

– Завидую твоей выдержке, как по мне, я бы им обоим глаза выцарапала... – подивилась Полина.

Наверное, Наталье помогло знакомство с интересным мужчиной, случившееся месяц назад на курорте. Андрей из Тольятти – мужественный испытатель новых автомобилей.

Задарил цветами, французскими духами. Она не устояла, следующая встреча в Сочи. А потом в Минск, где труппа театра будет на гастролях, приедет и Андрей.

– Если бы всё сначала, никогда не предавала бы Руслана... «Сознание того, что чудесное было рядом с нами, приходит слишком поздно» – Александр Блок. Ваш семейный союз я всегда считала идеальным, и вдруг взаимная измена...-

– Давай не будем драматизировать! Хороший левак укрепляет брак... Моя мамка от моего отца родила пять душ детей и сделала уйму абортот. Притом, она говорит, что в женщине всегда должна быть тайна, даже родному мужу нельзя показывать всю задницу – только половину! Будем считать, что это моя тайна...-

– Путаешь грешное с праведным...-

Кофе пили у Натальи в кабинете. Смотрели новый плащ Натальи и фотографии Андрея. Плащ Полине понравился, чего не сказать о любовнике – жалкая пародия на Джеймса Бонда.

– Как там твоя побирушка? – вспомнила Наталья.

– Ну, зачем ты так о девчонке?-

– Сколько ты будешь привечать эту шаромыжку? Принесёт тебе в дом какую-нибудь «бляку» – вовек не отмоешься!-

– Не надо меня страшать. Я вменяемая. И потом, ничего особенного я не делаю, иногда делюсь продуктами. «Да не оскудеет рука дающего...»-

– В конце концов, она – не сирота, маму родную имеет!-

Вторую неделю немым укором на столе лежали лекарства для Катиного брата. Чувствуя себя виноватой, за помощью в поисках девочки Полина обратилась к Антону. Проехали несколькими пыльными неуютными улицами, притормозили возле случайной прохожей.

– На окраине развалюха! Нищета – ни приведи и помилуй Господи! Кстати, вон, глядите: старшенькая Зойка! Сама байстрючка, и себе туда же – нагуляла дитя! Да ещё от кого...-

Чего-то испугавшись, женщина поспешила восвояси. Отрешено смотря под ноги, поодаль шла невысокая худенькая девушка, с виду подросток, если бы, не платок узлом на подбородке.

За сгнившим деревянным забором вросший в землю полуразвалившийся домишко. В захламленном дворе Катя тётшкала плачущего ребёнка. Увидев остановившийся автомобиль, она насторожилась, узнав Полину, по-родственному, заулыбалась.

– Здравствуй! Почему за лекарствами для Саши не пришла? – неуверенно произнесла Полина.

– С Оксанкой нянчусь, она всё плачет, живот болит от перловой каши!-

– Не подорвёшься? Сама ж ещё дитя. Сколько Оксане?-

– Восемь месяцев-

– Чья она, кто мама ребёнка?-

– Сестра Зойка, ушла в магазин за перловкой!-

– Сколько ж лет этой маме?-

– Будет... пятнадцать!-

Полина совсем растерялась.

– А, кто папа ребёнка?-

– Не знаю...-

– Где ваша мама?-

– Ой, тётя Полина, и хорошо, что её нет! А то дрыном выгонит вас со двора! Мамка ни с кем не хочет разговаривать, на всех кричит! Ушла собирать бутылки, сдаст – купит пшёнки!-

– Перловка, пшёнка... Ты же говоришь, у ребёнка живот болит...-

– После пшёнки и перловки долго есть не хочется. Ещё можно горох, но от него ещё больше живот болит!-

– Купите гречку...-

– Вы, Леонидовна, что ли не понимаете: гречка дорогая, откуда деньги? – укорила Катя.

– Пожалуйста, не называй меня, как бабки на лавочке: Ивановна, Михайловна, Леонидовна... Веди к твоему отчиму!-

Одетый по гражданке Антон Полину одну не пустил. Пригнув голову, вместе вошли в дом с низкой дверью и потолком. В потёмках Полина зацепилась каблуком о порог, летела бы далеко, если бы не заботливые руки Антона, вовремя подхватившие. Маленький затхлый коридор делил дом на комнату и кухню. В крохотной гостиной под углом друг

к другу металлическая кровать и затрапезный топчан, вдоль стены пять продавленных стульев. Единственное окно наглухо забито, заклеено пожелтевшими газетами. Воздух спёрт до тошноты. На кровати среди грязных постельных лохмотьев сидел, раскачиваясь, мужчина, искорёженный церебральным параличом. Распахнутая ширинка брюк, не обременённых нижним бельём, бесстыдно являла взору сморщенный рудимент принадлежности к сильному полу. Увидев незнакомых людей, мужчина побледнел, испугано забежали заискивающие глаза на желтом неумытом лице, в уголках синих губ запузырилась мутная пена.

– Извините за непрошеное вторжение... Простите, как вас зовут? – растерявшись, с трудом выговорила Полина.

– Звать – величать меня Ростислав Родионыч... А что надо? – прокартавил инвалид, опасливо поглядывая на Антона.

– Я приехала поговорить с вами о Кате... -

Инвалид хрипло захохотал.

– Адреском ошиблись, мадамочка! Катя у нас отродясь не водилась! -

– Тётя Полина, извините за беспокойство... На самом деле меня зовут Таня! Я боялась, что в школе узнают, что подбираюсь, поэтому называлась чужим именем! -

Враньё Полина ненавидела, никаких причин не принимала, недоумённо смотрела на Катю – Таню.

– Видели, какая штучка! Брехливая, вредная, неуправляемая! Думаете, легко с ней? – злорадно подхватил инвалид.

– Она ночами спать должна, а вы обязали воду подавать! Довели ребёнка до нервного истощения, посмотрите, как у неё дрожат руки!-

– Ой, ой, ой, какие мы неженки! Не облезет – ничего с ней не сделается!-

– И бить детей вы не имеете права!-

– А на своей шее держать, кормить-поить имею право?-

– Костылём в лицо – форменный садизм!-

– Не ходячий я, только костылём и достану!-

– И потом, она сама кормится подаяниями и вас кормит...-

– Вообще, кто ты такая, чтобы права здесь качать?-

– Я – знакомая этой девочки, и пытаюсь ей помочь! По-человечески!-

– Ах, по-человечески, значит? А я – хозяин этого дома, и видеть вас у себя не желаю!-

– Ваше право, но предупреждаю...-

– Что? А, ну пошла вон отседава, фифа мызанная!-

Антон побледнел, шагнул навстречу обидчику.

– Слышь, инвалид, ты потише!-

Полина схватила друга за локоть.

В машине Антон нервно вытирал руки влажными салфетками.

– Скажи, зачем ты возишься в этой грязи?-

– Жаль несчастных детей... -

– Замахнулась спасти всех убогих?-

– Помогу хоть кому-то...-

Таня появилась следующим вечером.

– Извините за беспокойство...-

– Когда ты последний раз купалась и расчёсывалась? – раздражённо перебила Полина.

– Мыла нет... Дома холодрыга, вода в вёдрах мёрзнет! Из-за вас меня мамка сильно избила ботинком по голове, прямо каблуком! Шишаки повылазили, больно расчёсываться!-

– Из-за меня?-

– А то из-за кого ж, вы к нам приходили...-

Полина провела рукой по голове девочки, под жёсткими липкими волосами бугрились шишки.

– Кошмар... Иди в ванную, а я пока разогрею еду... – виновато произнесла она.

После душа Таня в Машинной футболке и шортах крутилась перед зеркалом. Ойкая, она неохотно расчесала мокрые волосы.

– А где ваша дочка?-

– Ушла в кино с Никитой!-

– С мальчиком... вы разрешаете?-

– Да, пятнадцатый год, одноклассники...-

Усевшись за стол, не теряя и зернинки, Таня ела отварной рис, куриную ножку поделила пополам.

– Можно кусочек отнести Сашке?-

– Отнеси...-

Полина заварила себе кофе.

– А что это вы пьёте?-

– Кофе – бодрящий напиток-

– Вкусный?-

– Скорее ароматный. Я люблю. Можно с долькой лимона, можно с сахаром, молоком. -

– Лимон я не знаю... Если много сахара и молока, я тоже люблю кофей! – оживилась Таня.

– Надо говорить «кофе». Ка... Таня! Расскажи, будь добра, что происходит в вашей семье?-

Испуганно вскинув глаза, девочка поникла и умолкла, как партизан.

– Я тебе доверяю, пускаю в дом... Ты скрыла от меня своё имя, из всего делаешь тайну... Не ради праздного любопытства, я хочу разобраться, чтобы помочь! От кого родила твоя сестра Зоя, кто отец Оксаны? – на волне инстинкта спросила Полина.

Таня совсем съёжилась, отвела глаза.

– Не хочешь со мной разговаривать? Ладно, я тоже отказываюсь с тобой общаться!-

Минут десять они молчали. Девочка взялась тереть глаза красными кулачками, еле слышно проговорила:

– Люди говорят... от отчима... Только мамка сказала, если я кому проболтаюсь, она меня удавит! – заплакала Таня.

– Что... Что ты сказала?-

– От отчима... – с вызовом отчётливо повторила девочка.

Такого Полине не подсказывала самая бесстыдная интуи-

ция. Рыла, рыла и нарыла кучу дерьма! Что теперь со всем этим делать?

– Грязь-то какая... Как же это? Куда смотрит твоя мама? – схватившись за виски, с трудом проговорила Полина.

– Никуда она не смотрит, сама во всё виновата... Наша мамка родила Зойку и меня от разных дядек, своих пап мы не знаем. Ради жилья, она вышла замуж за этого калеченого, на восемь лет её моложе. У них родился Сашка. Пока жива была бабушка – мама отчима, было нормально. Мамка работала уборщицей на водочном заводе, по выходным торговала на рынке – продавала дрожжи, семечки. Но потом бабушка умерла, завод закрыли – мамка оказалась без работы. Сейчас только инвалидская пенсия отчима -

– Сколько ж он получает?-

– Пятьдесят четыре рубля!-

– Как же на эти деньги жить инвалиду, и ещё вас пять ртов...-

– Летом, хоть какой-нибудь дички наедемся – в посадках абрикос, терновка... На огородах кукуруза и подсолнухи. Мамка нажарит семечек – продаст, бутылки насобирает. Зимой совсем голодно, теперь ещё и Оксанка... Ей молока надо, но откуда? Отчим раньше пенсию отдавал мамке, но она бестолковая – потратит сразу все деньги, накупит нам какие-то дурацкие леденцы, пирожки! Вкусно, конечно, сразу всё съедим и опять голодуха...-

– Она же мать – порадовать вас хочет!-

– Зачем нам такие радости – потом месяц голодные сидим! Деньги надо расходовать с умом! – тоном бывалой старушки поучала девочка.

Полина сама никогда не умела толком распоряжаться деньгами.

– А, как это: «с умом»? – смущенно спросила она.

– Как, как? Накупить пшена, перловки, муки, гороха, картошки! – назидала Таня.

– Извини за вопрос, а твоя мама, случайно, не алкоголичка?-

– Вы что? Никогда в жизни – у неё и так сердце больное!-

– Но ты сказала, что она работала на водочном заводе...-

– Так потому её там и держали, что она и капли в рот не берёт! А отчим пьёт сам и в компании своего друга – такого же калеченного! Он заставлял мамку с каждой смены водку приносить. Ей давали в счёт зарплаты!-

– Куда ж ему пить при его здоровье? Наверное, по пьянке он твою сестру и изнасиловал?-

– Та, никто её не насильничал! Сама хвостом возле него крутила! Зойка – хитрющая и самая жручая! Чтобы отчим отдавал деньги не матери, а ей, она начала с ним спать!-

– Какой цинизм... Ещё ребёнок, а такая расчётливая... Как такое может быть? Девочка с мужем матери... С этим грязным гнилым инвалидом, на него же и смотреть противно... И, когда начался этот кошмар? – не сдержала эмоции Полина.

– После Зойкиного шестого класса на летних каникулах. Мамка с утра уходила на рынок, отчим нас с Сашкой выгонял из дома, а сам с Зойкой закрывался. Я мамке об этом рассказывала, а она не верила, ещё и лупила меня! А потом у Зойки начал расти живот, в седьмой класс она уже не пошла. Стала открыто спать с отчимом, заняла мамкино место на кровати! А мамка теперь спит на стульях!-

– Кошмар! Мама спит в другой комнате?-

– В той же самой, там и Сашка спит на топчане. У нас другой комнаты нет, есть кухня, где я сплю. Отчим меня ненавидит, в комнату пускает только воды ему подать и помойку вынести. Разрешает мне жить в кухне, если я буду им всем жарчку добывать. Поэтому я начала ходить побираться. Люди мне не верят – гонят, как собаку... Или есть такие, что сами живут впроголодь – жалко их, я знаю, как это, когда кушать хочется! Если какой день еды не принесу – отчим бьёт меня костью и выгоняет. Кормиться дома он мне не разрешает – говорит, чтобы у людей отъедалась. К нам ездит на коляске его друг, такой же уродец. К нему отчим хотел меня спроводить жить, а я не согласилась! Он стал ещё больше меня ненавидеть!-

– Ужас – ужас! Почему же мама не перейдёт в кухню и Сашу не заберёт?-

– Она упёртая, как ишак! Могла бы перенести стулья. Я ей даже предлагала своё место на раскладушке, но она назло не уходит из комнаты!-

– Назло? Пожалела бы сына, от грязи оградила! Получается, как та дурная кошка, детей нарожать – нарожала, а облизать – не облизала! В три ночи, по-прежнему, подаёшь отчиму воду?–

– А как же, не хочу получать костылём по кумпалу!–

– Ты заходишь в комнату, видишь сестру с отчимом в постели?–

– Ну да...–

– А сестра стыдится? – всё больше поражалась Полина.

– Щас! Наоборот – гордится! Чувствует себя хозяйкой, на меня смотрит свысока, над мамкой измывается! Оксанка её не волнует, с ней возится мамка, я помогаю!–

Невольно подсмотрев чужой грех, Полина, будто сама испачкалась, не по себе стало. Вспомнилось, в её девичестве родной дядя однажды, будто случайно, положил грубую ладонь на девчоночью грудь племянницы. Через блузку ощутив противное вороватое прикосновение горячей шершавой ладони, Полина отскочила в сторону. К душе куском грязи накрепко прилипло неожиданное разочарование и горечь предательства кровного родства. С тех пор она стала откровенно недружелюбна к родному дяде, не простила даже после его смерти.

На их маленькой улице соседи знали друг о друге всё, однажды устроили бабский суд над пятидесятилетней тётей Мотей. При живом туберкулёзном муже и здоровой красивой дочке она закрутила любовь с тридцатилетним зятем.

Заводила расправы – вездесущая соседка по кличке «прокурорша», без которой «ни одна вода не освятится».

– Шалава ты, Мотря! Как zenки твои от стыда не полопались? Схаменись, побойся Бога!-

– Бабы, люблю я Федьку! Ноги ему буду мыть и воду пить! – не отпиралась, а гордилась «обвиняемая».

– Та, шо б у тебя язык отсох, совсем с ума сошла! Зять, считай, дитя твоё, а ты с ним шашни завела! – кричала многодетная тётя Вера.

– Грех, какой! Нет на тебе, Матрёна, креста! За такое паскудство у нас в станице тебя на первом суку бабы повесили бы! – подключилась Полинина мама.

Она видит Полину с портфелем, идущую из школы, и строго приказывает:

– Быстро домой! Нечего тут слушать сплетни бабские!-

Вспомнилась и школьная учительница по кличке «Курица» – средних лет некрасивая худая женщина с подростковыми прыщами на лице. Очень уж она любила организовывать выезд восьмиклассников на природу. Там своё костлявое тело с веснушчатой кожей она облачала в купальник и принималась проводить странный тренинг по туризму, по очереди вызывая мальчиков в палатку. Минут через двадцать красные и взлохмаченные они выскакивали из палатки. Быстрее всех появился Руслан, виновато взглянул на Полину. Что-то противное до слёз обидное сдавило ей горло...

– Какие теперь отношения у мамы с членами семьи? –

спросила Полина Таню.

– А ничего не изменилось, всё тоже: мамка боится мужа, жалеет Зойку, Сашку, Оксанку! А меня мамка ненавидит!-

– Выдумываешь, не может мать ненавидеть своего ребёнка, это противоестественно! – совсем расстроилась Полина.

– Ничего я не выдумываю, мамка говорит, что зря не задала меня своими собственными руками, когда я только вылупилась! Меня она и дочкой не называет – «гавно, которое она высрала»!-

– Прикуси язык, страшные слова ты говоришь! Не верю и ещё раз не верю! – прикрикнула Полина, закрыв лицо ладонями.

Жизненная реальность поражала, порождая ненависть и жалость, брезгливость и сочувствие к чужим исковерканным судьбам. Эмоции спорили и не могли меж собой договориться.

– Тётя Полина, вы плачете?-

– Нет, я не плачу. Но всё это слишком горько слышать...-

Печально, не по-детски, смотрела Таня.

– Теперь и вы меня ненавидите?-

– Почему ты так решила?-

– Вы ж такая культурная, ни одного матюка от вас не услышишь! Вы не то, что с дочкой своей и папой вашим, даже с собачкой уважительно разговариваете! У вас столько книг, журналов, телевизор, цветы, салфетки, чисто и пахнет хорошо! А у нас только скрипящее радио и льготный телефон

для инвалида. Везде грязь, воняет! Теперь вы меня и на порог не пустите, не то, чтоб оставить у себя жить... -

Наверное, в чём-то Таня была права.

– Говори правильно – «радио»-

– Что вы меня всё кривляете?-

– Я тебя не кривляю, а исправляю. Книжки читай побольше, тогда сама будешь грамотно говорить. И потом как у тебя всё просто: возненавидите, возлюбите... Ты, ведь, не кошечка и не собачка, чтобы забрать тебя! Я приготовила комплект постельного белья, пижаму, пару полотенец, как ты просила, маленькую кастрюльку и сковородку! Всё «бэу», но довольно приличное и чистое! А сейчас я провожу тебя к остановке, по пути купим зубные щётки, пасту, шампунь, мыло, расчёски, а ещё гречку для Оксаны и бородинский хлеб для Саши -

– И даже шампуню купите?-

– Надо говорить «шампунь купите»... -

Телефонный звонок Полину порадовал – Антон пригласил на выходные загород. Заберут Машу из молодёжного лагеря отдыха и махнут на соседнюю турбазу.

– Супер, класс! Спасибо, Барилка! Ты – настоящий друг! – благодарно защебетала Полина в трубку.

Дискотека в самом разгаре. Маша танцевала с высоким чернявым Никитой, слишком к нему прильнув. Ничуть не смутившись, она великодушно помахала рукой. Подошла только, когда смолкла музыка.

– Мань, собирайся, поедem на турбазу до понедельника! –

предложила Полина, целуя дочку.

– Не хочу... Что там делать? Мне с вами скучно... А тут своя компашка, Никита...-

В машине Полина удручено гладила лохматую головку Зоси, взволнованной поездкой и плохим настроением хозяйки.

– Ну, когда ты поймёшь, что Маша становится взрослой, у неё начинается своя жизнь! Готовься к тому, что твоя дочка будет всё больше отдаляться! Давай поженимся, родим сына, назовём в честь наших пап – тёзок Лёнкой! Будет тебе забота!-

– «Как-то раз один колдун – врун, болтун и хохотун

Предложил ей, как знаток бабских струн...»– хмыкнула Полина.

– Прекрати, не смешно! Может, я болтун – хохотун, но, ни врун!-

– Забыл, сколько мне лет? «Старородящая»! Перед дочкой стыдно, скоро она сделает меня бабушкой! А ты...-

– Сколько? На западе к сорока годам первенцев рожают! Ты ж в бабки спешишь записаться! – спорил Антон, окидывая Полину сочувственным взглядом.

– Послушай, Барилка, только не надо меня жалеть! Следи лучше за дорогой, не то сейчас втюхаемся! – совсем разозлилась Полина.

– Ну, всё... Опять мне не повезло – опять у тебя плохое настроение! Сейчас ты скажешь, что я моложе тебя аж на семь лет, с пацаном пора прекращать неравную связь!-

Этот хвойный лес на берегу реки Полина любила, особенно, в межсезонье. Отдыхающие разъехались, тишина, покой, лишь под ногами о чём-то шуршит опавшая хвоя и листва. Ради Антона пришла заспанная кастелянша турбазы, выдала постельное бельё. Заселились в уютный деревянный домик на сваях, эдакую избушку на курьих ножках. Поспешно закрыв дверь, Антон сразу полез целоваться, но Полина холодно отстранилась и вышла на открытую маленькую веранду. Усевшись на деревянную лавку, она открыла книгу, давая понять, что не настроена на легкомыслие. Грюкая и что-то бурча, недовольный Антон принялся выкладывать из сумки напитки и продукты, застилать простынями широкую кровать, натягивать наволочки на подушки, одевать в под-одеяльники отстреливающиеся синтетические пледы.

– А где наш командир? – угодливо спросил вынырнувший из-за угла соседнего домика егерь лесничества.

– Кому – командир? – сразу пресекла панибратство Полина.

Услышав знакомый голос, Антон показался из домика.

– Полина, мы с Григорием в бильярдную! Приглашаем и тебя!-

– Я буду читать...-

– Ну, наше дело предложить...-

– Поняла – моё дело отказать...-

– Пару партий киями мы таки постучим! – с готовностью согласился Антон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.